

К 556

Этот номер „КРОКОДИЛ“ выходит в 3-х изданиях: основном, ленинградском и урал-сибирском.

Урал — Сибирское издание

КРОКОДИЛ № 21

ТЕОРЕТИК В РАЙОННОМ МАСШТАБЕ

К. Елисов

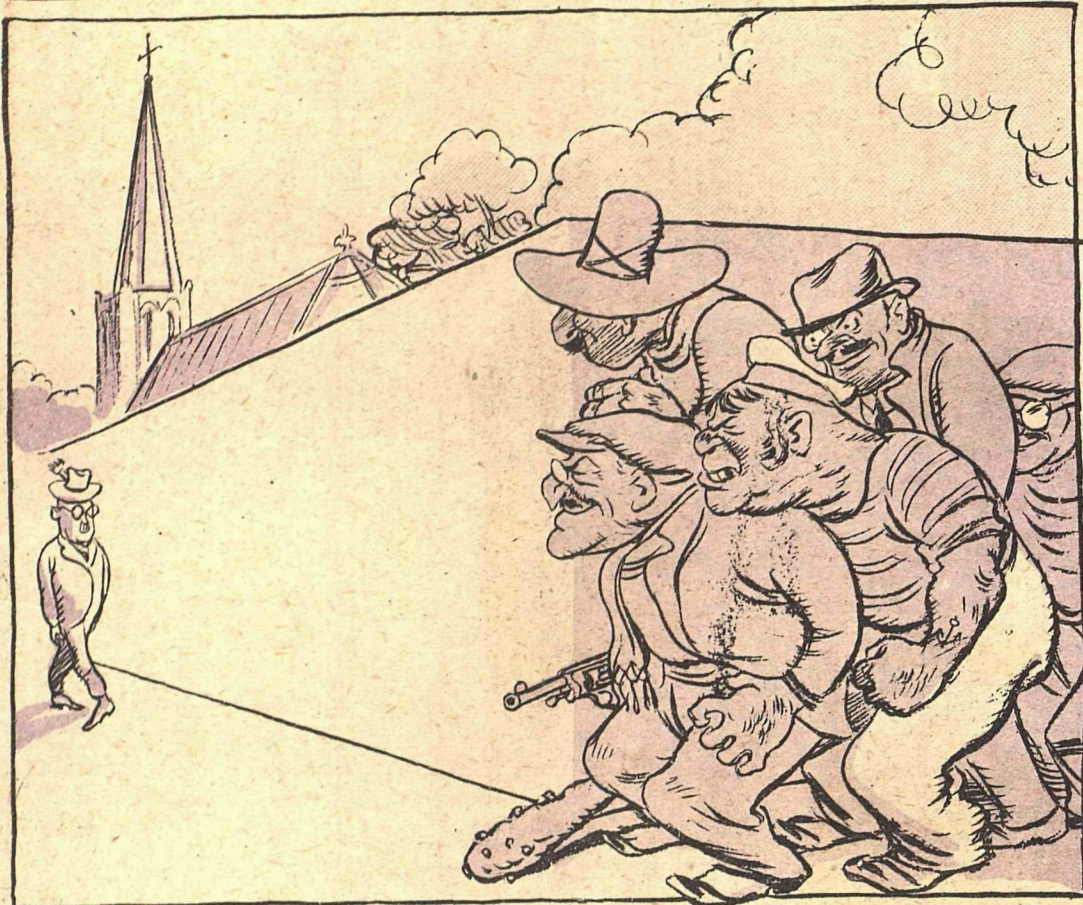
32

КОЛХОЗНИК: — А вот, товарищ прокурор, у Ленина сказано, что законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая, всероссийская.

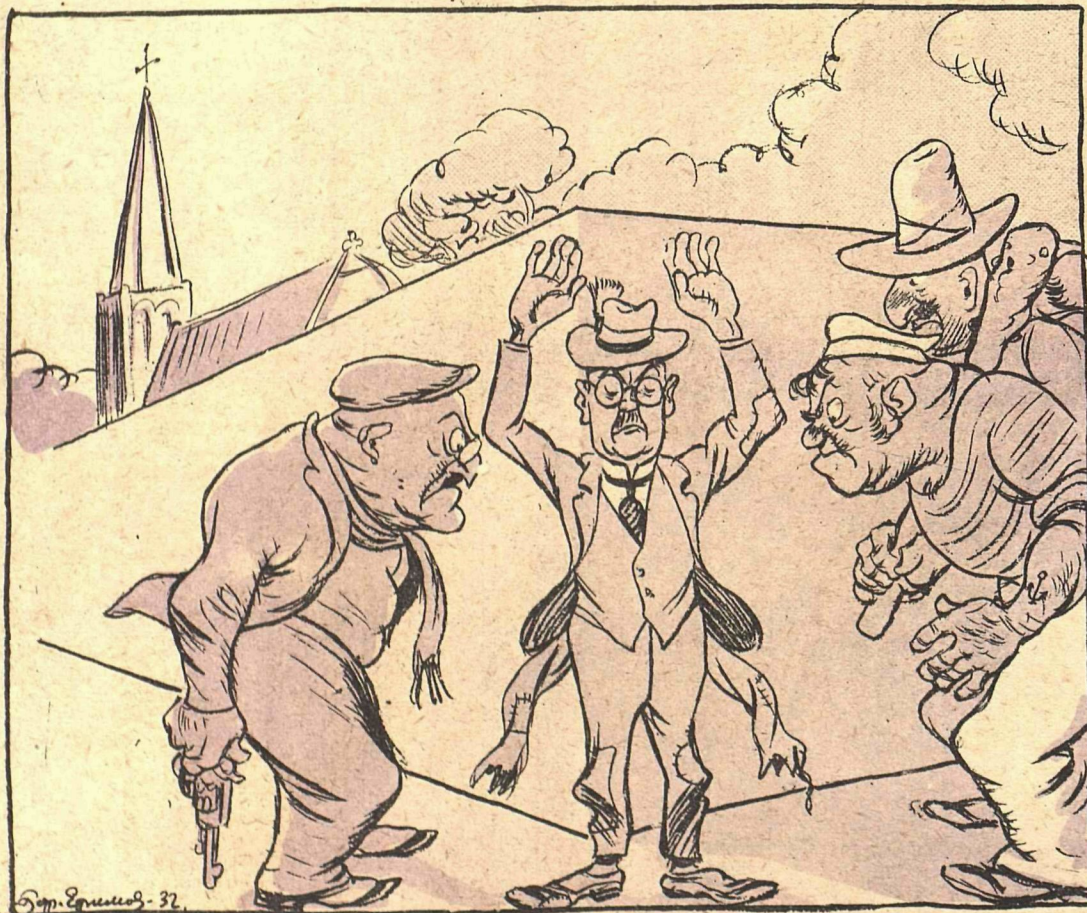
ПРОКУРОР: — Позвольте, но ведь насчет нашей, колоколамской, у Ленина ничего не сказано.

Б. Ефимов

1. ....

2. ....

ВЫШЕЛ ПЕРВЫЙ НОМЕР ПЕРИОДИЧЕСКОГО
МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО
ЖУРНАЛА „КИНО-ПРОКОДИЛ“
ИЗДАНИЕ „СОЮЗКИНО“ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „КРОКОДИЛ“

1.

ЗВЕНИТ звонок... И у двери парадной,
Из петли наспех выдернув крючок,
Гляжу: стоит немного маскарадный,
Но страшно симпатичный старичок.
Сияет ореол сереброкудрый,
И все лицо его освещено
Усмешкой — и пленительной, и мудрой,
И доброй, и лукавой заодно!

Это сон или не сон?
Нет, конечно, это он!
Здесь не может быть ошибки:
Он, рожденный в мятеже,
Двух эпох на рубеже,
Двух миров в великой сшибке, —
Узнаю огонь улыбки
Пьера-Жана Беранже!

2.

У моего стола усевшись в кресле,
Он мне сказал: „Любезнейший поэт!
Вы старика не выгоните, если
Он вам подаст отеческий совет?
Почтили вы — и прочие поэты —
Стихами мой посмертный юбилей...
Но, право, ваши добрые куплеты
Могли бы быть немного веселей!“

Острый взгляд и бодрый тон...
Да, конечно, это он!
Здесь не может быть ошибки:
Он, рожденный в мятеже,
Двух эпох на рубеже,
Двух миров в великой сшибке, —
Узнаю огонь улыбки
Пьера-Жана Беранже!

3.

„Не убоюсь великого удара,
Не обсуждая дела вкривь и вкось,
Вы выдернули из земного шара
Его воображаемую ось.
Ваш опыт титанически чудесен, —
И перед ним склониться я готов.
Так больше ж смех! Больше шуток, песен
Улыбок, поцелуев и цветов!“

Острый взгляд и бодрый тон...
Да, конечно, это он!
Здесь не может быть ошибки:
Он, рожденный в мятеже,
Двух эпох на рубеже,
Двух миров в великой сшибке, —
Узнаю огонь улыбки
Пьера-Жана Беранже!

4.

„Не убоюсь неслыханной раскачки,
Сжигая мир в невиданном огне,
Вы пробудили жизнь от зимней спячки
К ликующей и творческой весне.
Так нечего филистерски стесняться,
И в жилах кровь искусственно знобить:
Весна должна безудержно смеяться
И звонко петь и весело любить!“

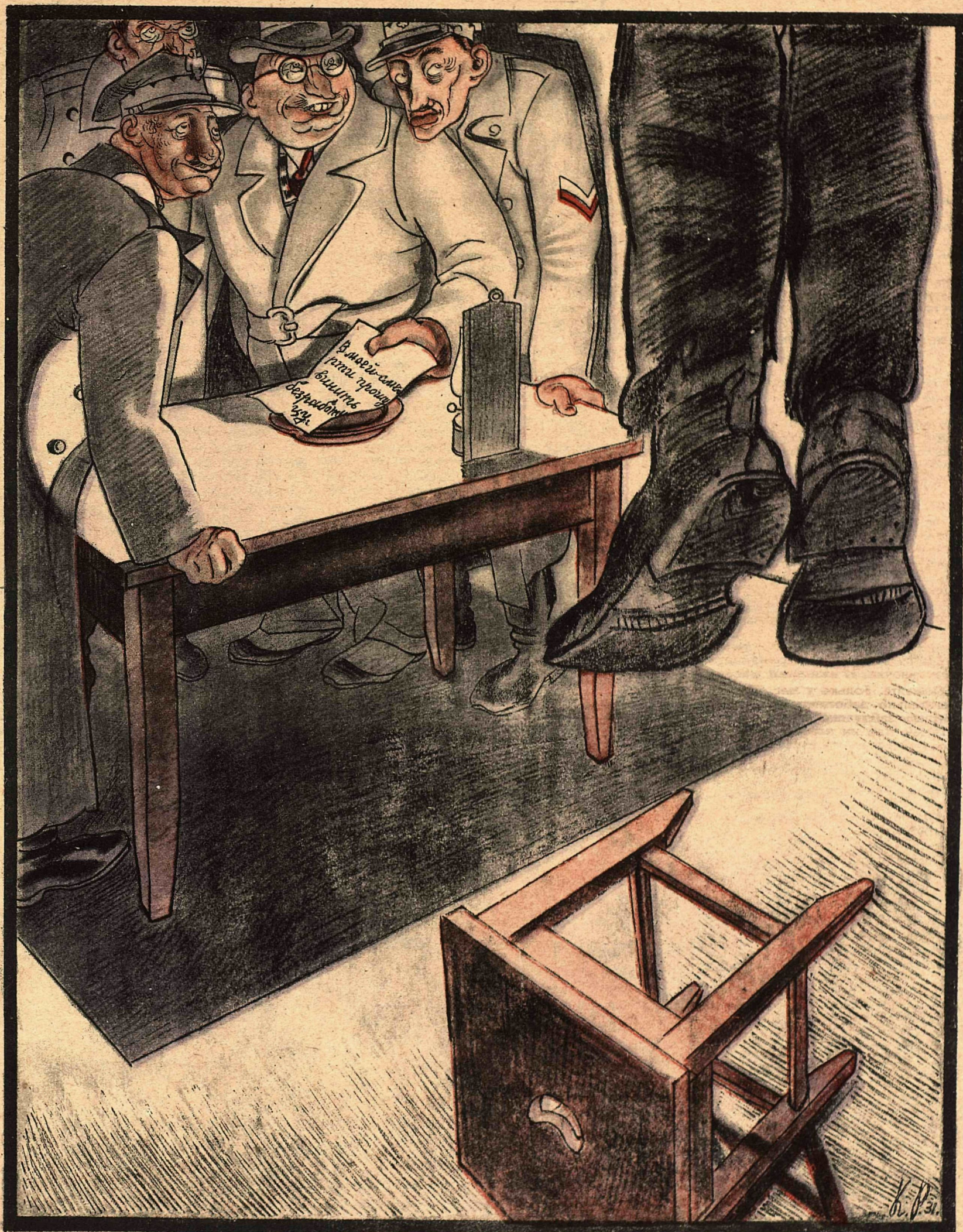
Острый взгляд и бодрый тон...
Да, конечно, это он!
Здесь не может быть ошибки:
Он, рожденный в мятеже,
Двух эпох на рубеже,
Двух миров в великой сшибке, —
Узнаю огонь улыбки
Пьера-Жана Беранже!

5.

„Простите же законную ехидность
До смерти не старевшему певцу:
Энтузиастам скучная солидность
И чинная степенность не к лицу.
Солидны те, кому от солнца плохо,
Степенны те, в ком кровь течет водой.
А самая Великая Эпоха
Не быть не может самой молодой!“

Острый взгляд и бодрый тон...
Да, конечно, это он!
Здесь не может быть ошибки:
Он, рожденный в мятеже,
Двух эпох на рубеже,
Двух миров в великой сшибке, —
Узнаю огонь улыбки
Пьера-Жана Беранже!

ЖЮРИ КОНКУРСА: — По краткости и выразительности эти мемуары заслуживают первой премии. Но теперь автор уже ни в чем не нуждается.

ПОЕХАЛ на колониальную выставку. Был дождливый, пасмурный день. Выставка доживала последние недели.

Каково первое впечатление.

Покушение на монументальность. Много папье-маше. Изрядная доза безвкусицы. Собственно, это даже чересчур мягко. Классическая безвкусица. Пальмы, колонны, фонтаны модерн, лавочки с галантерейной завалью, пыльный гравий дорожек, вафли, лимонады, вермут.

Традиционная мура любой подобной выставки. Отовсюду несутся барабанные звуки колониальных оркестров: нетритянских, индусских, марокканских...

Шум адский. Болит голова. А барабаны гремят и гремят.

Одним словом, как некогда сказал тонкий знаток экзотики Бальмонт:

«...И жрецы ударят в там-там».

Действительно жрецы ударили в там-там. И ударили крайне неудачно.

Какова цель выставки. Цель выставки была грубо агитационная: показать, как, дескать, хорошо живет диким и некультурным колониальным народам под мудрым и гуманным владычеством просвещенных империалистов.

И показали. Только получилось как раз наоборот.

Среди навороченной безо всякой меры экзотики, среди слонов, индусских храмов, кокозовых орехов, восточных ковров, медной африканской посуды, рахат-лукума и почесских кальянов — грубо, недвусмысленно и цинично заглядывает клыкостая рожа империалиста-колонизатора.

С первых же шагов, на главной аллее — два павильона. Один — католический, другой — протестантский.

Католические и протестантские попы выстроили рядом свои конкурирующие миссионерские лавочки. И заывают доверчивых людей.

«Пожалте. Только у нас. Посмотрите, как мы трогательно заботимся о вовлечении в лоно христово заблудших чернокожих овец наших колоний. Как им хорошо, этим бедным чернокожим овцам на вышеупомянутом ложе».

Стоит только бегло осмотреть павильон, чтобы стали совершенно ясно истинный характер и истинное содержание миссионерской деятельности в колониях.

Чего стоили только агитационные восковые раскрашенные группы — картины „вовлечения в лоно“.

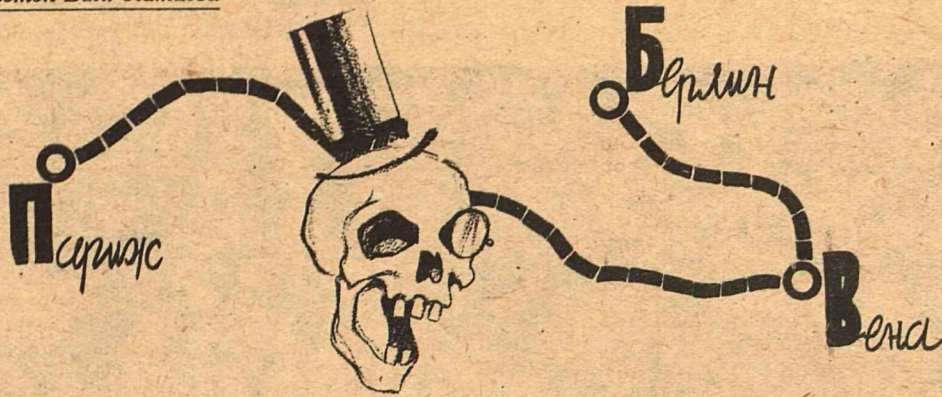
Вот, например, такая группа. Молодой, румяный, красивый миссионер стоит перед упавшим на колени дикарем. У дикаря испуганное, покорное лицо. Дикарь пресмыкается у новеньких парижских сандалий святого отца. А святой отец одной рукой занес кад курчавой головой туземца здоровенный увесистый крест, а другой сует ему в нос какую-то бумагу и перо, — дескать, подпишись, сугин сын! Вступай в лоно. А не хочешь, — так имей в виду. — получишь крестом по затылку.

Буквально так.

Даже благонамеренным посетителям становится неловко, и они поспешно отворачиваются.

У стен — витрины с различными лубочными библиями, картинками, крестиками, четка-

Фельетон Вал. Катаева

(Окончание)

Заставка М. Храпковского

ми, святыми чашами и прочими безвкусными и бездарными предметами культа.

И рядом — витрины с кустарными изделиями „дикарей“. Нарочно рядом. Чтобы, дескать, подчеркнуть, как у нас, у христиан-колонизаторов, культурно и мило, какое у нас настоящее искусство и какая чепуха у „диких наших братьев“.

А получается совсем обратный эффект. Все кустарные ващи „дикарей“ — необычайно изящны, остры по форме, самобытны и интересны. Деревянная скульптура, рисунки, вышивки, костюмы, — подлинное, большое национальное искусство, рядом с которым весь поповский католический и протестантский лубочный хлам выглядит по меньшей мере курьезно и глупо.

Если кто и дикари, то во всяком случае не те, кого „вовлекают в лоно“. Севершено ясно.

Все остальное в том же духе.

Особенно понравился цинизмом португальский павильон.

В середине — карты колоний, диаграммы, цифры, образцы сырья, колониальные продукты, а снаружи —

невероятно, но факт — а снаружи, под большим навесом — огромная пушка. Каков цинизм!

Дальше некуда. Приехали.

Прямо ставь португальский павильон на колеса и вози по свету, показывая рабочим лицо империализма без маски.

К этому надо добавить, что мудрые устроители „для Фольклера“ пустили на территорию выставки громадное количество всяческих колониальных солдат. Так что вся выставка имеет вид военного лагеря.

„И жрецы, ударили в там-там“.

Действительно, ударили. Н-да-с. Вот тебе и „вовлечение в лоно“...

*

Еще одно сильное впечатление.

Решил купить дюжину хороших носовых платков. Если не в Париже, так где же?

Попросил, чтоб меня повели в лучший бельевой магазин. В лучший меня не повели, так как сказали, что не уверены в крепости моих нервов. Повели в „приличный“.

Магазин называется „Труа Картье“. Недалеко от Гран-Опера. Пять этажей выходит на три улицы.

Я присмотрел на витрине платки по 8 франков штука. Показались мне шикарными. Решил купить.

Вошли внутрь. Гоняли из этажа в этаж, из комнаты в комнату. Наконец нашли специальное отделение носовых платков. Комнат шесть. Прилавков нет. Вместо прилавков большие, покрытые сукном столы, вокруг мягкие кресла.

— Пожалуйте, мосье.

Мы уселись в кресла. Истоженная девушка принесла носовые платки и разложила на столе.

— Двадцать франков штука.

— О, двадцать! Для меня это слишком дорого. Я хочу по 8 франков.

— По восемь. Пожалуйте, мосье.

Платки были хорошие, но по двадцать, конечно, лучше. Ну, что ж. Кутить, так кутить! Возьму полдюжины по двадцать. По крайней мере будет чем похвастаться, будет во что прилично посморкаться.

— Вероятно, это самые дорогие платки в Париже?

— Самые дорогие? О, нет, мосье, есть дороже. По пятьдесят франков штука.

„Ну, что ж, — подумал я. — Кутить, так кутить. Куплю два платка по пятидесяти франков. По крайней мере буду обладателем самых дорогих платков в Европе“.

Самых дорогих? О, нет, мосье. Могу вам предложить платки по 200 франков штука.

— Что? По 200? Ах, чорт возьми! Куда ни шло! Раз в жизни! Куплю платочек за 200 франков. То-то будет в Москве сенсация. Хотя дорого, но уж зато исключительно. Самый дорогой платок в мире.

— Самый дорогой? О, нет, мосье. У нас есть платки по 2.000 франков штука.

— Вы шутите!

— Ничуть, мосье. Наши магазины славятся своим бельем. У нас всегда покупают американские дамы.

— Сколько же они платят, ваши американские дамы, за свои покупки, чорт возьми, если один платок стоит 2.000 франков?

— Бывают разные счета, мосье, — скромно ответила девушка. — Зависит от вкуса и денег.

— Но все-таки?

— Двести тысяч франков, триста тысяч...

— Триста тысяч франков за белье?!

Я выскочил из магазина.

Одной рукой они платят триста тысяч франков за белье своим самкам, а другой, для того чтобы поддерживать свой барыш, сжигают тысячи тонн кофе и пшеницы! Это чудовищно. Этому нет названия. Это может кончиться только одним.

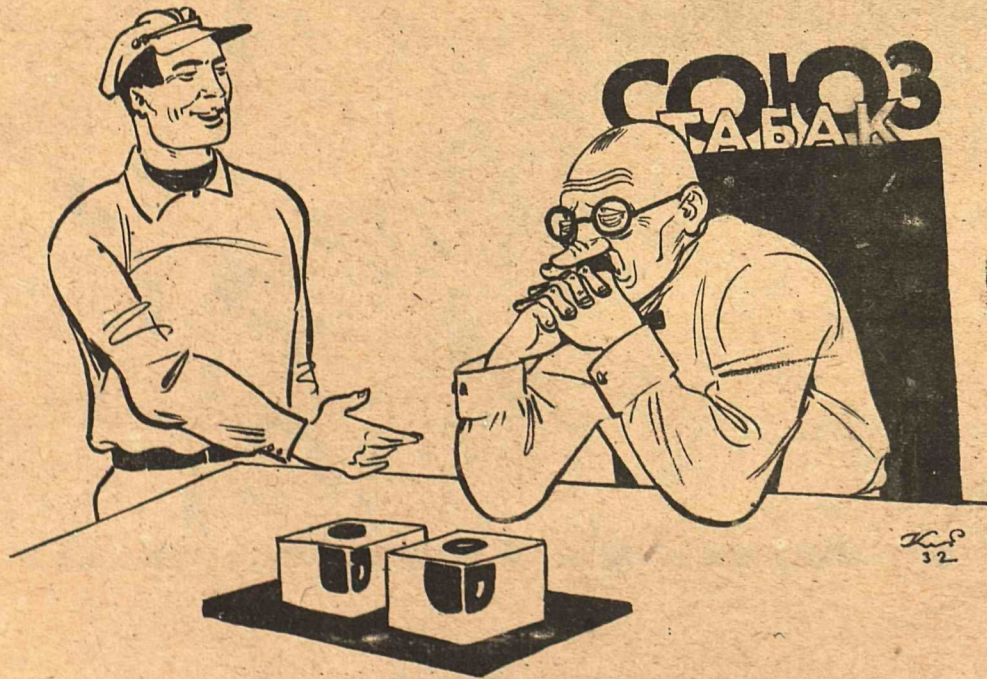
*

Скорей, скорей в Москву!

В. Катаев.

ОБЪЕКТИВНАЯ ПРИЧИНА

К. Елисеев

— Нет ли папироски?..

— А я некурящий..

СКОЛЬКО товарищеской заботливости и поддержки оказывают верные друзья!
Как легко и радостно живется при их помощи!

Рисунок немецкого худ. Курта Верта
(Сотрудника коммунистического журнала „Ротер Пфедфер“)

★
Помню, приехал я в Москву восьмого, а девятого уже пошел на новую службу. Работать, правда, не пришлось, — ходили хоронить счетовода Естомина, но зато в этот день я познакомился с превосходнейшими людьми, вернейшими друзьями усопшего.

Мы шли торжественной процессией по прекрасным улицам столицы. Друзья покойного самоотверженно переносили дождь и трудности уличного движения.

У меня находку разыгралась печень, но я крепился. Скорбные воспоминания друзей увлекли меня.

— Жить бы ему да жить! Мы ли не заботились о нем? Мы ли не старались скрасить его жизнь нежной дружбой и преданностью?

— Да. Про покойника нехорошо говорить плохое, но нельзя не отметить, — неблагоприятно поступил Вася, неблагоприятно. Прямо, надо сознаться, — умер на зло друзьям.

— Да, нянчились мы с ним, как с другом, а он по эгоизму только злился. Иногда даже по пустякам. Помнишь, Павлуша, как он тебя за книжку-то грыз?

— Еще бы. Взял я у него какую-то книжонку. Не столько для чтения, а так, чтобы польстить. Уж очень он книжками интересовался. Смотри, говорит, Павлик, книжка редкая, поаккуратней. А сам трясется. Может, говорит, какую другую лучше возьмешь? Нет, говорю, отчего же? Редкую-то и давай для друга. Ну, дома смотрю — чепуха, из персидской больше жизни. Старье! А тут кто-то нагрех ее взял и не вернул Вася расстроился необыкновенно. Слово простыню или какую-нибудь другую вещь у него украли. Хамское, говорит, отношение и все такое. Ни за что обидел.

— Да... грубоватый был парень, а главное, — эгоист, — не тем будь помянут. Помню, гитара у него была знаменитая, краснощековская, кажется. Звук удивительный. Ну, тоже хотели порадовать васину гордость, — выпросили на пикник. Никак не хотел давать, — отсыреет на реке. Ну, обещались на реку не ходить; со слезой, но дал. Но не вышло.

— Отсырела?

— Нет. Гриф был совершенно сухой.

— А самый этот? Как его? Кузов...

— Кузов — неизвестно. Андрюшка ударил кузовом лодочника по голове. Щепки и забыли на пристани, а гриф вернули в целости, даже с пучком струн. Надо было видеть, как Естимин позеленел. Я, говорит, так и знал. Ну, знал, так чего же ты волнуешься? Мучители, говорит, вы мои! Прохвосты! Это друзьям-то!

— Сынишку его тоже раз повезли на прогулку, а парнишка на другой день и заболел. Мы же виноваты — зачем давали мороженого и пива?

— Всегда так, хочешь сделать людям добро, — тебе же и по шее. Благодарности не жди.

— Когда приходили навещать, — нас же Вася и ругает. Мало, говорит, того, что помешали отдохнуть, но и подушки прокурили табачищем: спать ему, оказывается, неприятно.

— Ну, уж это — каприз! Неужели Естимин не поддавался дружескому влиянию?

— Пробовали мы его перевоспитывать. В местном выбирали всегда заставляли секретарствовать на общих собраниях, а он только раздражался. Зачем выбираем, — и без того он измучен.

— Вообще к общественности никак не могли приучить. Не компанейский он был человек. Бывало просим, — выпей за компанию. Ни за что не станет. Ему, видите ли, вредно. А нам точно не вредно: собственная шкура была ему дороже товарищей...

— Отчего же он все-таки помер?

— Говорю, от злобы. Уезжал г. Ногайный. Ну, конечно, были проводы. Был и Естимин. Ногайный и спрашивает по-демократически: „А вы не пьете, г. Естимин?“ „Не пью, — отвечает Вася, — у меня почки“. Ну, тут мы все на него накиннулись. Ерунда, брось, у всех — почки. Выпей да выпей. Не хотели, чтобы он перед Ногайным свиной оказался. Пристали без отвязного. Обозлился Вася до дикости, но все-таки нахлестался. На зло вам, говорит, пью. Вам же на венок собирать и по жаре на кладбище провожать. И действительно, словно нарочно: поболел, поболел и помер... Только вместо жары — дожди!

— Эх, Естоша, Естоша! Посмотрел бы ты теперь, как настоящие-то друзья ради тебя мокут!

— И тут навряд ли сказал бы спасибо. Верно! Не ценят бесчувственные эгоисты истинную дружбу!

Проводили мы прах и отправились к Павлуше на поминки. Я хотел было зайти домой, переодеться, но друзья отсоветовали.

— Ерунда, брось. Не ломай компании. Мы тоже мокрые.

— Ладно.

Пришли и прямо к столу.

— Дей, согреешься...

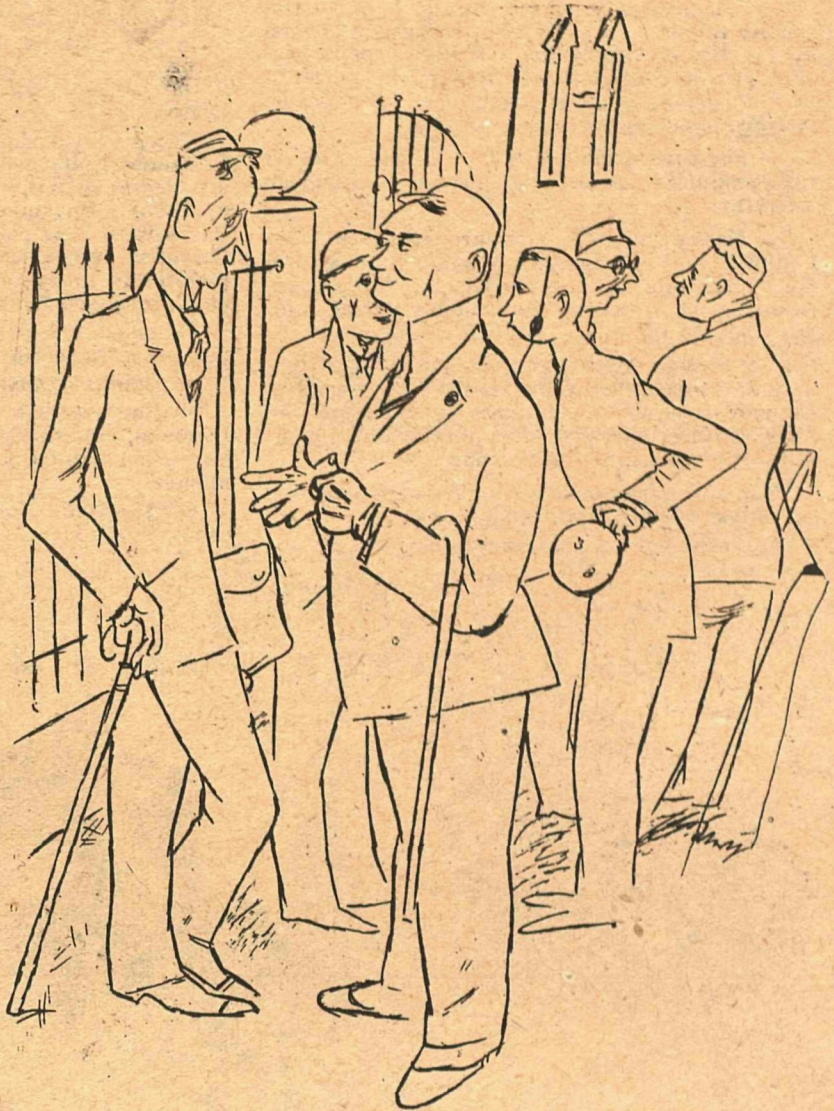
— Да мне нельзя. У меня — печень...

— Чепуха, брось... У всех — печень. Не будь свиной для первого раза.

Отказать таким чудесным парням было невозможно. Душевный народ. Чокались, целовались и вечером заботливо доставили домой. Положили у двери и даже позвонили.

И всего-то был знаком с ними один день, а с тех пор, как я заболел, они постоянно навещают меня и даже потихоньку приносят коньячок. Лучшее, говорят, средство от всех заболеваний. Хотя и не велено, но понемножку выпиваем.

Разве таким друзьям откажешь!

В ГИТЛЕРОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

— Сдали ли вы свою академическую норму?

— Осталась — чепуха. По анатомии — две недобитые морды и по хирургии — теория действия резиновой палки на рабочую демонстрацию.

Д Р Е Б Е З Г И

ДЕТОСЕКИ В ПОГОНАХ

Английский депутат - леборист Кенворти обрадовал английскую общественность сообщением, что:

„во флоте еще существуют телесные наказания. Так, лейтенант, выслушав незаконные требования кадетов, может их выпороть“.

Повидимому, лейтенанты флота его величества рассуждают так: когда выслушиваешь больного, ему полагается снять рубашку, а когда выслушиваешь здорового, — надо заставить его снять брюки.

КАБАК-ДЕМОКРАТИЯ

Несмотря на сухой закон, в одном только Нью-Йорке обнаружено

„32.000 тайных кабаков, торгующих водкой“.

Ну что же? Америку открыть трудно, а кабак в Америке открыть — легче легкого.

К ТЕТЕНЬКЕ ЗА СОВЕТОМ

Лондонский „Дейли Геральд“ уверяет, что в скором времени

„в Лондон к консерваторам приезжает б. германский кронпринц узнать их мнение насчет восстановления монархии в Германии“.

„Ах эти англичане, — вздыхала купчиха у Островского, — всегда чтонибудь выкинут...“

На этот раз, может быть, и не выкинут, а даже сговорятся.

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ

„Французский военный концерн «Шнейдер Крезю» купил две крупные парижских газеты «Тан» и «Журналь де-Деба».

Оба редактора остались на своих местах, даже в тех же белых перчатках и с теми же салфетками, перекинутыми через левую руку.

ДОВЕЛОСЬ как-то познакомиться со все-союзным рвачом Прокопием Жвалой. Было это в дни пуска первой магнитогорской домны.

— Магнитогорск, Магнитогорск! — мечтательно произнес Прокопий, заглянув в „Правду“. — Чудное местечко! Там мой деверь служит. Уже достал для меня три пары роскошных кальсон, — голубенькие и в полоску, для Мурочки — джемпер.

— Магнитогорский чугун, — сказал я, — имеет марку „ноль“. Это значит, что он — высшего качества.

— Марку „ноль“? — заинтересовался Прокопий Жвала. — Завтра же пишу деверю, чтобы достал для меня три пары роскошных кальсон, — голубенькие и в полоску, для Мурочки — джемпер.

Где сейчас подвизается великолепный Прокопий, отлил ли он себе нимфу из магнитогорского чугуна; — не знаю, да и знать не хочу. Но с его духовными детишками пришлось столкнуться в Краснодаре.

Магазин украинского Книгоцентра получил большую партию чертежной кальки...

Советский союз испытывает острую нужду в кальке.

Это — естественно, это — неизбежно, это, если хотите, даже радует, как своеобразный показатель хозяйственного здоровья и социалистического роста страны. В обнищавшей, разоренной кризисом Германии, например, кальки много, черти, — не хочу. Но чертить нечего и незачем. Владельцы предприятий, изготавливающих кальку, срочно переключаются на розничную торговлю порнографическими карточками...

Полученную кальку добычливые работники книжного прилавка с ведома и согласия своего месткома и администрации поделили между собой. „Ведущие профессии“ получили по 10 метров „на рыло“, прочие — по шести. Отстирав синюю кальку добела, работники и работницы книжного прилавка пошили себе из чертежного батиста блузки и рубашки.

Ежедневно в магазин украинского Книгоцентра заходят инженеры и техники:

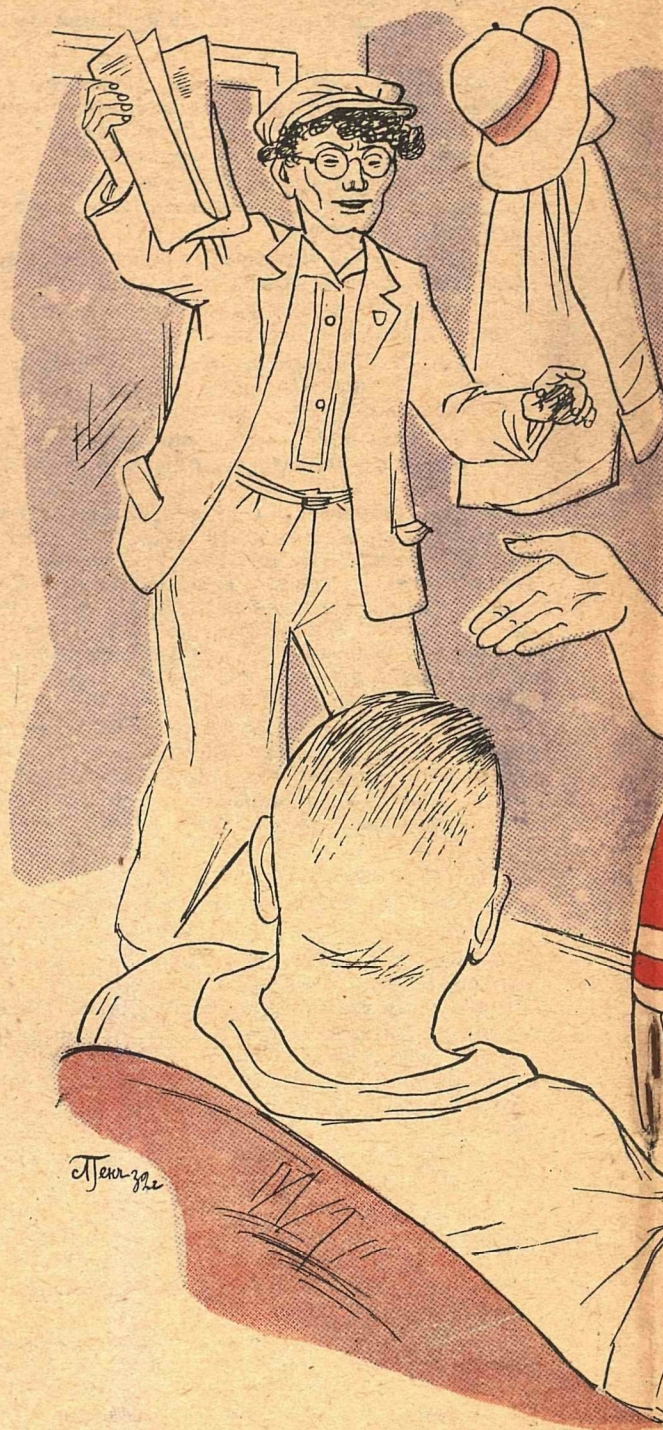
— Пришла калька?

— Нету кальки, — улыбаются кудреватые Лидочки, кокетливо оправляя новенькие блузки, — не пришла калька. Может, и совсем не придет.

О, Прокопий Жвала, ты можешь гордиться своим краснодарским потомством.

Леонид Ленч.

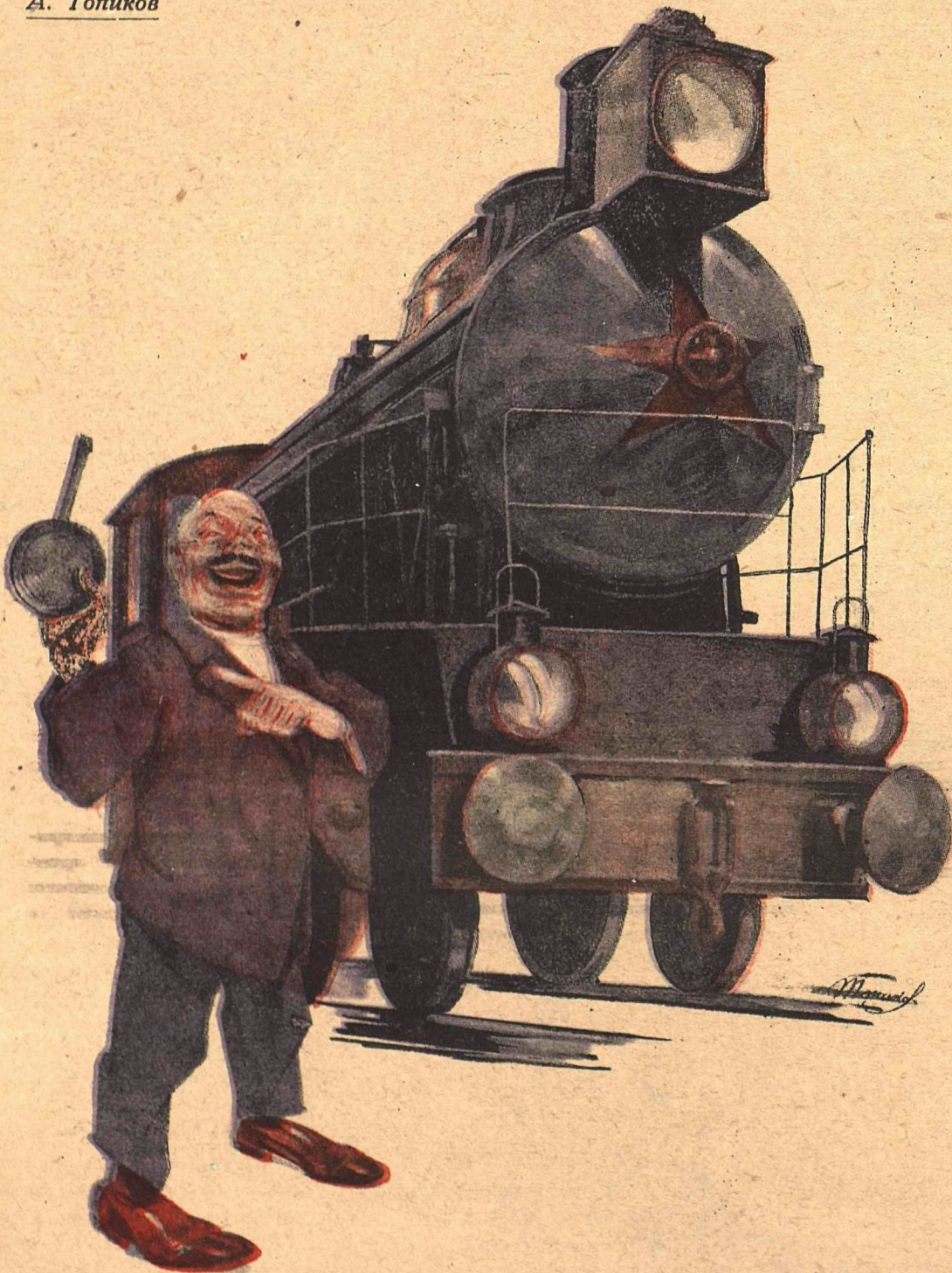
Л. Генч

Ленч

ОДИН РЯБЧИК — ОДНА ЛОШАДЬ

А. Толиков

— На своем заводе я выполнил директиву по ширпотребу на сто процентов. Работаю, как часы: один паровоз — одна сковородка, один паровоз — одна сковородка...

„ДИСЦИПЛИНИРОВАННЫЙ“ КОМСОМОЛ
Косарев сказал, что мы не серые, скучные люди, и любить. В соответствии с этой директивой

„НЕДИСЦИПЛИНИРОВАННАЯ“ КОМСОМОЛ
раз перед самым докладом вышла замуж.

О ХАМСТВЕ И К

МЫ СТОЯЛИ с ним у трамвайной остановки. Мы ждали трамвая. Трамвая не было. Но было светло. Было солнечно. Сосед мой был явным интеллигентом: его тянуло на задушевный разговор.

— Вы ожидаете „четверку“? И я тоже. Вот через две-три минуты подойдет вагон, и начнется извечное российское безобразие. Вы посмотрите вокруг себя. Возле нас примерно 60 человек пассажиров. Из них процентов 60 ожидает четвертого номера.

Я оглянулся. Действительно, человек 60 мрачно вглядывались в даль, тщетно высматривая заветную цифру маршрута.

Интеллигент, захлебываясь собственной наблюдательностью, продолжал:

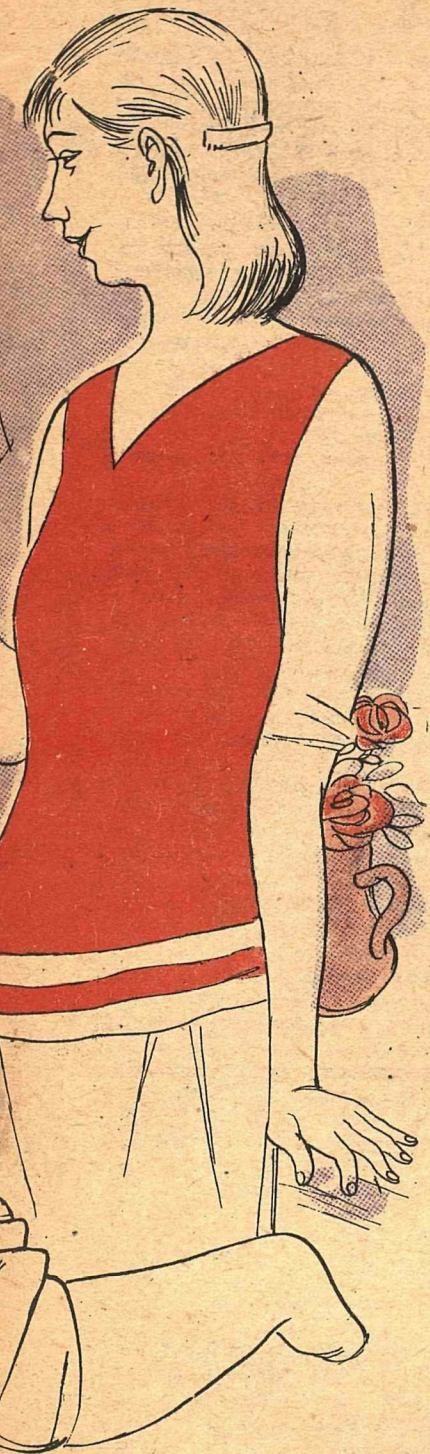
— Вы взгляните в них повнимательнее: все они более или менее культурны, все они более или менее читают книги, газеты, журналы, слушают лекции и растут как строители нового мира. Но в каждом из них еще сидит хам. Да да... хам. Вот этот краснорожий

особенно
заработал
же без п
внешняя
одно мгн
порта тр
являет в
нилось
— Че
И мы
Интел
женщин
старушк
рабфако
ся на ко
протесто
ства.

А крас
остался
сбитую и
неловко

СТАРИЧОК-ТУПИЧОК

1.
НАКЛОНИВШИСЬ на бочок,
 Дремлет дряхлый старичок,
 Старичок-тупичок
 На Арбате...
 И — пыхтит, и — кряхтит,
 И — сопит, и — урчит.
 И в носу его — свербит...
 Вот-те, на-тел..

2.
 Из всех всяких переулков,
 Из всех всяких закоулков,
 В закоулочном престиже
 Он обижен
 И унижен
 Больше всех!
 Ой!..

3.
 И со старческой одышкой
 Деревянные домишки,
 Что находятся на нем,
 День-деньской
 Наперебой
 Кроют старого гуртом!..
 Ой!..

4.
 „Эх ты, куцый тупичишка,
 Чортова ты кочерыжка,
 Идиот — совсем особый,
 Ишь в какую ведь трущобу
 Занесло тебя-то,
 Дьявол полосатый!
 Мимо нас с гуденьем гордым
 Мчатся «бьюики» и «форды»!..
 К нам же курица раз в год
 Мимоходом забредет,
 Клюнет, плюнет
 И — уйдет!..“

5.
 На слова такие эти
 Что сказать тут? Что ответить?..
 И несчастный тупичишка
 Спит, храпит себе и — крышка!

6.
 Но недавно близкий гул
 Тупикову тишь рванул!
 На Арбате!..
 И трехтонный грузовик
 Вдруг протискался в тупик!..
 Вот-те на-тел..

7.
 „Эй, вставай ты, старичишка,
 Старичишка-тупичишка,
 Полно дрыхать, старина!“
 — „А?“
 „Посмотри, какой ты грязный,
 Кривобокый, несуразный,
 И — коряв,
 И — гуняв,
 И — горбат,
 И — шербат,
 Весь иссох,
 В ухе — мох,
 До чего ж ты, братец, плох!“
 — „Ох!“

„Ну, вставай! Вот так! А ну-ка,
 Посмотри — такую штуку
 Мы придумаем с тобой!“

— „Ой!“
 „Стой,
 Не ойкай! Глянь-ка: с края
 Мы тебя вот так — ломаем
 И расширим этот край!“
 — „Ай!“
 „Да не айкай! Ну-ка, предок,
 Поднатужься напоследок!
 Ну-ка, бряк! Ну-ка, звяк!
 Вот так!
 Все в порядке! И с поклоном
 Ты входи омоложенным“

В нашу новую Москву!
 — „Фффу!!!“

8.
 И скажите-ка на милость,
 Очень странное случилось
 На Арбате:
 По мосстроям проектам
 Тупичишка стал прос-пек-том...
 Вот-те на-тел!!

Н. Анисимов.

ТИХИЙ УЖАС

Детские игрушки делаются очень небрежно.
 Из них торчат гвозди, жесты и пакля. Помимо
 того, они окрашены какой-то ядовитой крас-
 кой.
 (Кто не верит, пусть пойдет в магазин игру-
 шек).

М. Храпковский

ЛЕЦ: — Манечка! Ура! Наконец-то
 что нам можно хорошо одеваться
 прошу у тебя руку и сердце.

МОЛКА: — Ай-ай-ай! А я как

УЛЬТУРЕ

до подозрителен. Вы увидите, как он
 ает кулачищами по чужим спинам. Это
 яти минут скиф, пещерный медведь. Вся
 культура, какая у него есть, вылиняет в
 новение! В условиях стесненного транс-
 рамвай, как лакмусовая бумажка, вы-
 се обилие хамства, какое еще сохра-
 в людях нашей страны.

твертый подходит! — воскликнул я.
 пошли на приступ.

дiligent проворно сорвал со ступенек
 у с ребенком, ударил ногой в живот
 у с корзинкой и, свернув шею юной
 вке, протискался к скамейке, где усел-
 лени к неизвестной гражданке, слабо-
 вавшей против несокрушимого хам-

снорожий детина, „без пяти минут скиф“,
 на панели: он бережно поднимал
 интеллигентом женщину с ребенком,
 стараясь счистить грязь с ее платья.

А. Македонский.

ПАПАША: — Смотри ты у меня, — будешь шалить, я тебе еще игрушку подарю.

Исповедь советского клерка

Я РАБОТАЮ в Главдетмете. Я такой же, как сотни других. Это мы осаждаем по утрам трамвай, сломя голову спешим повесить свои номерки на табельные доски.

И только отдышавшись, мы замечаем, что спешить было некуда.

Тогда мы приступаем к работе: мы читаем газеты, терпеливо ждем з буфете экспортной карамели, а потом, долго шопотом рассказываем фривольные анекдоты и также долго хихикаем.

Да, чуть не забыл! Мы еще два раза в месяц получаем зарплату. Мы даже развешиваем соревнование. Старший экономист-плановик вызывает на соревнование младшего. Об этом радостно сообщает стенгазета, и фотографии обоих героев вывешиваются в фотоаллее ударников, размещенной в коридоре Главдетмета. И только после того как и старшего и младшего экономистов под туш) премируют вязаными напульсниками, неожиданно выясняется, что всю их работу мог, не спеша, между делом, выполнить скромный секретарь.

Но скромный секретарь тоже не дремлет и, об'явив себя ударником, носит это звание, громыхая им, как рыцарь заржавленными латами:

— Я удар-р-р-ник, я тр-р-р-р-ребую, пр-р-р-рошу не пр-р-р-р-отиворечить...

Один раз я все-таки попытался противоречить.

Было это на производственном совещании, шестом по счету. Оно, по обыкновению, обсуждало вопрос о плане работы производственных совещаний. Я попросил слова и робко сказал:

— Дорогие товарищи! Я не умею говорить, но скажу то, что думаю. Нас здесь больше, чем работы. Идите домой с миром, и пусть половина из вас больше никогда не возвращается в родные просторы Главдетмета.

— А-а-а,—загудели в зале,—вы, значит, против производственных совещаний?.. Может, вам советская власть тоже не нравится?..

— Нет, — неожиданно громко крикнул я, — я за советскую власть и потому я против разбухших штатов!

Тут председатель месткома так выразительно фыркнул носом, что я в панике отступил на заранее не подготовленные позиции.

Утром в „Известиях“ я прочел такое об'явление:

ЦУКАДР треста ЦУКЕДР

ищет квалифицированных работников на выгодных условиях. Требуется на выезд инженеры, экономисты, бухгалтеры, стенографистки, курьеры и плановики. Плата по соглашению.

По дороге в Цукедр я живо представлял себе заросшую лесную чащу, в которой я скоро окажусь, шумящие кроны вековых сосен и послеобеденный концерт местного птичьего радиоцентра.

Уже через десять минут я блуждал по непроходимым чащам Цукедра.

Вместо крон вековых сосен шумели на заседаниях и совещаниях старшие и младшие экономисты.

В облаках табачного дыма плавал вопрос о кадрах.

— Кадров нет! Некого посылать на периферию! Мы задыхаемся без работников! Откуда придут новые люди?..

„Это обо мне!“ — с гордостью подумал я и начал искать человека, с которым можно было бы поговорить о работе.

Секретарь, которого я поймал у дверей уборной, посмотрел на меня пустыми, невидящими глазами и, буркнув что-то под нос, убежал заседать. Я поспешил за ним.

В коридоре я увидел знакомую фотоаллею. Секретарь с пустыми глазами вызывал на со-

ревнование делопроизводителей. Младшие экономисты об'являли себя ударниками, а плакат указующим перстом призывал всех на производственное совещание по вопросу о плане работы производственных совещаний.

Возмущение закипало в сердце скромного советского клерка.

Прорвав цепь личных и безличных секретарей, я ворвался в кабинет председателя Цукедра. Он сидел у окна, в глубоком раздумьи перебирая в руке кедровые орешки.

— Занят, занят, занят,—замахал он руками,—разговариваю только по вопросу о новых кадрах.

— Я и есть новый кадр!..

Председатель даже привстал от неожиданности и протянул мне руку.

Я ее из вежливости пожал, хотя гнев душил меня:

— Но я вам не нужен,—продолжал я,—понимаете, не нужен! Сотни взмысленных чиновников носятся по вашему коридору, составляют пухлые докладные записки об отсутствии людей, они уже заездили арифмометры горами десятизначных чисел, вместо того чтобы просто уложить чемоданы и отправиться работать на периферию.

Председатель раскрыл рот. Нето от изумления, нето желая что-то сказать... Но я круто повернулся на каблуках и вышел из комнаты.

У под'езда Цукедра я остановился и долго смотрел, как в переполненных трамваях сотрудники Главдетметов и Цукедров, причмокивая экспортной карамелью, заканчивали после трудового дня недосказанный анекдот.

Утром я снова атаковал трамвай и сломя голову спешил повесить свой номерок на табельную доску Главдетмета.

Я подал мотивированное заявление в местком по поводу своего поведения на производственном совещании с приложением справки о том, что я очень нервный.

— А-а! — удовлетворенно протянул председатель месткома. — Теперь все понятно. А то мелет человек чорт-те что!..

Меня простили.

Абрам.

Ни ты ни се (Злободневные новеллины)

СТРАШНАЯ МЕСТЬ ИЛИ ДЕЛО В ТЮБЕТЕЙКЕ

Колхозный базар в Чернигове удался на славу.

Распродав масло, молоко и яйца, колхозники и колхозницы шумной толпой повалили в магазин ЗРК, где для них, согласно спущенной директиве, заботливо были разложены товары ширпотреба. Глаза разбегались по заваленным полкам. Но особенно дразнили глаза настоящие дефицитные, ярко цветистые головные платки, ценой всего в 1 р. 40 к.

Дед Трохим даже крякнул от удовольствия и быстро побежал к кассе.

— Порадую дочку обновой, — решил он.

Уплатив деньги, он протискался к прилавку. Но здесь шли какие-то странные разговоры. К осыпанному маками платку в виде нагрудки полагалась очень добротная, горячая золотом парчи тюбетейка всего за 7 р. 40 к. Колхозницы волновались и шумели.

— Вы що, сказылыся. На що ж вони нам?

Но прилавок был неумолим. Ничего не поделаешь — инструкция из правления. Один платок — одна тюбетейка.

Платок так заманчиво горел, что дед не выдержал и прибавил 7 р. 40 к.

— Молодец, дед! — весело сказал продавец. — Всем бы с тебя пример брать, а они ругаются. На, получай!..

По дороге в свою деревню дед не раз развертывал покупку, представляя себе, как обрадуется чернобровая Ганна подарку. Но рядом маячила тюбетейка, и досадные думки о затраченных напрасно деньгах кружились в дедовой голове...

* * *

Следующий колхозный базар в Чернигове был еще оживленнее. У председателя ЦРК был выходной день, и, он как самый обыкновенный покупатель, бродил по базару.

В длинном ряду колхозников стоял и дед Трохим.

— Почему яйца? — спросил его председатель.

— Яйца? Три карбованца.

«Недорого», — смекнул председатель и поспешно сказал:

— Сыпь полсотни.

Дед, не спеша, отсчитал пять десятков, полез в мешок и приложил к яйцам тюбетейку.

— Яйца — пятнадцать да ця хреювина семь сорок. Плати двадцать два сорок.

— Ты, дидуню, в своем уме?! — вспыхнул председатель.

— Эге ж, — хладнокровно сказал дед, — я ж по-божески, за что купил, за то и продаю.

Председатель оглянулся и увидел, что всюду на столах рядом с маслом, творогом и яйцами горели золотой парчей тюбетейки. Без них колхозники не продавали ничего.

Председатель вздохнул и полез за кошельком.

ЗАГВОЗДКА НА УГЛУ

— Баста! — решил комсомолец Вася Шуляков. — Больше пить не буду.

Совсем было погиб парень. Его имя не сходило с черной доски. За ним числились опоздания, прогулы, пьянка на самой работе.

Ребята из цеха дружно взялись за Васю. Они неотступно следили за ним. Ходили вместе с ним в кино, Притащили его на собрание. Докладчик так хорошо говорил о задачах комсомольцев во второй пятилетке, что Вася ясно ощутил весь позор своего падения.

— Исправлюсь. Честное слово, исправлюсь! За политучебу возьмусь. Книжек бы достать. Только где? Ах, да! Ведь магазин-то наш комсомольский тут же, за углом.

И Вася побежал к магазину, на вывеске которого значилось:

КАМЫШЛОВСКИЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ МАГАЗИН № 1

Но внутренний вид магазина поразил Васю. На всех полках стояли большие, средние и маленькие, белые, коричневые и зеленые бутылки, бутылочки и бутылки. Над ними висел антиалкогольный плакат:

ПИВА НЕТ

За прилавком стоял здоровый красный толстяк в комсомольском костюме. Он ласково прищурил на Васю свой подозрительно опухший с подтеком глаз.

— Мне бы материалов для политучебы, — смущенно пролепетал Вася.

— Материалов в собственном смысле не держим, но пособий по разным вопросам — сколько угодно. Ежели по международному положению, советую английскую горькую. Многие докладчики хвалят. По части хлебозаготовок — предложу зубровку. Ежели проработать что-либо или увязать требуется, — коньяк возьмите, три звездочки. А ежели заработался и отдохнуть желательнее, нет ничего лучше простой очищенной.

— Н-да, — пробормотал, почесывая затылок, Вася и хотел было купить литр очищенной, но... как уже вполне сознательный комсомолец воздержался и отправился в Камышловский горкомсомола за инструкциями.

СТАРОЕ В НОВОМ

МАГНИТОГОРСК — ударная новостройка, — знает каждый грудной младенец.

— А если так, зачем же вы еще раз пишете об этом? — не без основательного ехидства спросит читатель.

А я такой, — возьму и не отвечу на этот вопрос, но, сконфузившись, буду совсем про другое, — как будто и не я говорил, не я писал.

Да, так вот, товарищи, есть такой старый рассказик, как двое спорили:

- Мы с тобой шли?
- Шли.
- Тулуп нашли?
- Нашли.
- Ты его взял?
- Взял.
- Где ж он?
- Кто?
- Да тулуп!
- Какой?

и опять сначала, пока слушатели не будут вогнаны во слезу.

Впрочем, и слушатели тут тоже ни при чем, — это я просто хотел, как говорится, разговор перевести на следующее.

— Бюро заказов Планово-оперативного управления Магнитостроя направило во вспомогательные цехи заведующему группой заказов тов. Ройтману заказ на отливку чугунных крышек для кабельного тоннеля к прокатному цеху. Получил тов. Ройтман этот заказ и наложил резолюцию в том смысле, что, дескать, мы этот заказ давно получили и еще давней выполнили. С этой резолюцией заказ спокойно вернулся. Изумилось бюро заказов и написало:

„Работа должна немедленно выполняться, так как то, что вы выполнили, та работа другого цеха“.

Не таков был тов. Ройтман: ему бумагу, — и он бумагу.

„Мы послали служебную записку, чтобы вы дали ответ по существу, а не писать нам нотации относительно наших резолюций“.

Неизвестно, насколько затянется выполнение этого заказа. Переписка, кажется, еще тянется... с 23 апреля.

Впрочем, если даже заказ уже выполнен, если даже переписка уже к моменту печатания номера закончилась, все же необходимо помнить, что Магнитогорск — ударная новостройка, на которой в производственных отношениях едва ли желательно повторение старых анекдотов и прежней волокиты.

Так-то!

НАКАЗАННЫЙ ПРОРАБ

(Магнитогорская сказка для детей второй пятилетки)

АДМИНИСТРАЦИЯ Земстроя вызвала к себе прораба Богатова и его помощника Лященко, известного магнитогорского ударника. Пришли Богатов с ударником Лященко.

— Постройте вы, Лященко и Богатов, дома для рабочих и ИТР.

— Можно, — ответили оба и ушли.

На другой день взялись за работу, конечно, каждый по своей специальности, то-есть Богатов сел в контору, а Лященко на стройке по-ударному взялся за работу. Прошло немного дней, и дом был готов. Прибежал на постройку Богатов, повернул лицом к производству отвернувшегося было Лященко и руками развел.

— Боже мой! — говорит, — еще вчера на этом месте было пустое место!

— И то веда! — подтвердил Лященко и немедленно приступил к заселению нового дома.

Вселившаяся одной из последних жена машиниста Согрина по непонятной для многих магнитогорцев привычке приступила к мытью пола у себя в комнате на втором этаже. Вдруг снизу дикий крик:

— Что вы там творите? Мы вам покажем! Вы нас залили совсем!

— Кого это? — любопытствовала через десятисантиметровую щель в полу Согрина.

— Меня! Прораба Лященко! Я этот дом строил!

— Ах, так? — спросила Согрина и вылила на пол оставшееся ведро воды.

Так был наказан прораб Лященко. Впрочем, он был не прорабом, а только помощником прораба, вот ему и попало.

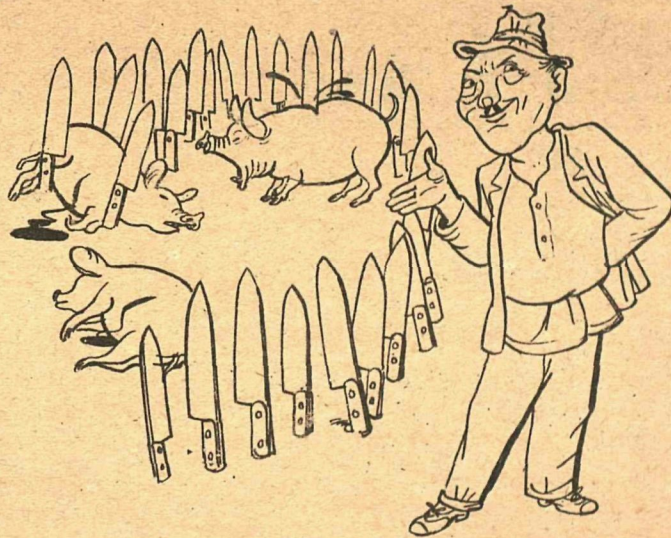
Детки интересуются, почему же прораб не наказан? Очень просто: он хитрый и в выстроенные им дома не вселяется. К тому же он и не виноват: он ничего не сделал, он только руками разводил.

В. Павлов.

„ИЗОБРЕТЕНИЕ“

При американской столовой ЦРК на Магнитострое свиной автомат обнесен колючей проволокой; свиньи почесываются о проволоку и ранят себя до крови.

Л. Генч

— Прошу убедиться: полная рационализация — свиньи режутся сами!

МУХИН И РЫБА

МУХИН — это председатель постройкома, не Жучка какая-нибудь, а...

Приходит к Мухину рабочий и предложение вносит:

— Товарищ Мухин, собралась у нас бригада на такой предмет: хотим мы в порядке добровольном в выходные дни заняться ловлей рыбы в Урале — карпов там до чорта! — и поставлять ее в наши столовые для питания. Как ты на это смотришь?

Мухин аж задергался весь и руками замахал:

— Что ты, что ты?! Я на себя это дело никак не возьму, потому что это много делов! Еще перетопнете, а я отвечаю! Кроме того, помей в виду и то, что рыба — вещь серьезная, она, брат, по норме отпускается.

И спросил у него, у Мухина, рабочий (а может быть, и не спросил):

— Скажи тогда, товарищ Мухин, профсоюзная работа тоже серьезная вещь? Не отпускается ли и она у тебя по норме?

Спросил ли, не спросил, — какая разница? Все равно тов. Мухин такой вопрос не разрешит с той же скоростью, с какой он разрешил рыбный вопрос.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

ЛЮБИТЕЛЬ СИЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ

Зав. мастерскими автобазы Магнитостроя Самарин обезличивает дорогостоящее импортное оборудование, оставляя учеников на ночь работать у станков. Выговоры и другие взыскания не производят на него никакого впечатления.

Пока станки не разбазарены, Не можем мы не дать звонка: Лишиться лучше уж Самарина, ем заграничного станка.

НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА

В отделе механизации по постройке соцгорода (Магнитострой) сидит тарификатор Молодцов, который делает произвольные расценки: за однородную работу определяет разные ставки с колебанием до 60%. Рабочие возмущаются, усиливается текучесть.

Мы облегчим постройке участь И предлагаем четкий „хозрасчет“: Чтоб ликвидировать текучесть, Пусть Молодцов сначала утечет!

ЧЕЛОВЕК И БУМАЖКА

БУМАЖКА была невзрачной и усеянной мухами. Но в руках коменданта первого участка Шитикова она превращалась в грозное и беспощадное распоряжение:

„Выселить в 24 часа из дома № 42 гражданина Воробьева как лишенца и безусловного классового врага“.

„Матерой враг“ в это время блаженствовал в доме отдыха по путевке, полученной за ударную работу.

Встревоженная жена решила лично выяснить неожиданно возникшие классовые противоречия.

— Я не ожидала от тебя этого, — сокрушенно сказала она мужу. — Ты классовый враг и еще смеешь это скрывать от меня.

— Женка, ты обалдела! Да откуда ты это взяла?

— Ах, притворяешься! Тебе еще недостаточно улик. Так вот читай! — И приказ о выселении зловеще зашуршал в ее руках.

— Ну, слушай. Это же недоразумение. Какая-нибудь путаница. Приказ подписан пом. зав. коммунальным отделом Магнитогорска товарищем Фищенко. Я его знаю, — это коммунист и, кажется, не бюрократ. Покажи ему мои документы, скажи, наконец, что я член партии, и недоразумение будет улажено.

Успокоенная жена поступила точно по инструкции. Но не таков был Фищенко.

— Бумажка? — спросил он, зловеще сверкая очками. — Бумажка. С печатью? — С печатью. — Чтоб через 12 часов вас не было в доме.

Обескураженный товарищ Воробьев вынужден был приехать лично, чтобы доказать, что он — не верблюд. Воробьев направился к зав. коммунальным отделом т. Панченко, но и этот твердокаменный человек не пожелал разговаривать с „классовым врагом“.

— Фищенко действует на основании документов. Обратитесь к нему, — отрезал он.

Фищенко был неумолим. Не помогло даже вмешательство прокурора.

— Простите, но на каком основании вы решили превратить меня в лишенца? — спросил выбившийся из сил человек.

— Основание — список, полученный из горсовета. Вот видите, так и написано — Воробьев.

— Но я член партии.

— Очень просто, — скрыли социальное положение. По глазам вижу, что скрыли.

— Но ведь у вашего Воробьева не указано ни имени ни отчества.

— Э, гражданин, нас не проведешь! Уж если скрыли социальное положение, то имя и отчество легко скрыть. Знаем мы вас!

Оставался единственный способ — найти настоящего лишенца и восстановить свою честную партийную репутацию. При помощи зав. орготделом горсовета т. Захарова этот однофамилец был разыскан. Что же касается нашего т. Воробьева, то самый беглый взгляд на документы мог определить его непричастность к разысканному однофамильцу.

И если такое классическое бездушие было проявлено к коммунисту, работнику редакции „Магнитогорского рабочего“, то каким же языком говорят „руководители“ коммунального отдела с рядовыми строителями, с ударниками Магнитостроя.

П. Майский.

ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ

Солнце стояло за пологом туч, как поезд у семафора. И когда полог, наконец, раскрылся и по небу поплыли разорванные облака, солнце вплотную подошло к городу.

— А где-то там, за городом, уже весна! — зажмурившись, сказал Тартараренко.

— Почему за городом? — возразил потомственный горожанин Серединский. — И почему весна, если уже лето другой месяц?

— Разве? А я не заметил!

— Ну как же! На площади Розы Люксембург уж и розы продают. Розочки-то бумажные. Еще не приступил зеленый трест к заготовке живых цветов. Посему извольте, — покупайте цветочки из бумажечки!

— Ну, и что же? Бумага тоже из древесины...

— А древесина в лесу, а лес за городом. Нет уж, какая природа в городе? Лук в горшочках за занавесками? Жулики-воробыи в подворотне? Пыль колдунчиками?

Нет, то ли за городом?!

— За чем же дело стало? — горячо отозвалась из мутного учрежденческого угла Нервоянц и Втузик. — Послезавтра как раз и выходной...

И оба заученно произнесли тезис Общества пролетарского туризма:

— Туристы, — за город! Через туризм и экскурсии организуем культурный отдых трудящихся!

Серединский тоже имел опознания:

— Туризм — один из методов социалистического строительства. Крыленко!

Резюмировал Тартараренко:

— Едем в Жаворонки. Провизия вкладчину, принадлежность по усмотрению. А я беру ружье!

И в ранний час выходного утра, когда еще молочницы гремели бидонами на путях к городу, четыре туриста отправились за город.

С ними были: ружье, две удочки, сачок для букашек, столовый ножик и два наполненных провизией рюкзака.

Поезд бежал.

И вставшее солнце румянилось за лиловой сетью рощ.

В ногах у пожилых сосен лежали плюшевые лужайки. Озера и речки трепетали в берегах, как только что пролитое олово.

— Вот она, матушка наша, зеленая природа! — объявил Тартараренко, когда они высадились из поезда.

— Ужас, как здесь замечательно! — воскликнул пылкий Нервоянц. — Птички-то птички!

— Птички поют, факт! — согласился Серединский.

— Дайте я их пристрелю! — содрогнулся от восторга Тартараренко.

— Черемуха! — завопил Втузик. — Целое черемуховое дерево!!

— Фактически. Только ты, Втузик, сразу не налегай. Успеешь.

— Смотрите, смотрите, — заяц! — раздался новый крик Нервоянца.

— Где? — судорожно оглянулся Тартараренко и взвел курок мелкокалиберной.

— Во-он! Вон идет. Пошел. Во-о!!

Раздался выстрел.

Заяц был убит наповал. Но преждевременная смерть сильно изменила черты несчастного. Вблизи он оказался поросенком.

Вслед за этим траурным случаем все пошло глаже.

Молодые люди глушили из ружья рыбу в пруду, разворотили муравейник, развели костер под ветвистым деревом.

К ним подходили:

— Кто же в таком месте костры раскладывает? Пожар еще надеется!

— А, может, мы комара морим? — отвечали туристы.

Далее в припадке игривости они написали мелом на заборе несколько мыслей о женщине как таковой, и им опять указали, что забор — это не грифельная доска и тем более — не уборная.

— Чудаки люди! — возразил Тартараренко. — Другие путешественники на скалах пишут. А если нету здесь скал, то как нам прикажете быть, пожалуйста?

— А так, на заборах писать нечего!

— Вот и опять препятствие! Да что же это вы, местные, против пролетарского туризма и экскурсий? Понимаете, кто мы? Мы — туристы.

— Почему не понимаем? Понимаем. Всяких видели. А на заборах писать нечего!

— Ну, чего с ними говорить? Уперся человек в заборы. Заборах, заборах. Да поймите вы, местный вы человек, основные, так сказать, цели и задачи пресле...

— А на заборах...

Друзья пошли дальше.

— Эй, эй! Деревья зачем обламываете? Граждане! Нельзя! — неслось им вслед.

— Куда, товарищ, нацелился? Собака — не волк!

— А чего она лает?

— А зачем вы дразните? Она — собака, а вы же люди грамотные, в шляпах!

Друзья махнули рукой и, развалившись на полянке, открыли рюкзаки.

...Когда они встали и пошли, на месте их привала остались ворохи замасленной бумаги, бутылка, рыбы скелеты. И никто не подошел после них к этому импровизированному столу, не вымел мусор и дрянь.

Четыре спутника приближались к станции. Красное солнце садилось за синим забором леса.

Пели птицы, — и рука охотника потянулась к курку.

Волнующе сладко пахли цветы, и руки потянулись к кустам: сорвать, скомкать, уничтожить!!!

К станции Жаворонки, в сторону города, подошел поезд.

Темнело.

Стоя в вагоне у открытого окна, Тартараренко шумно вздохнул:

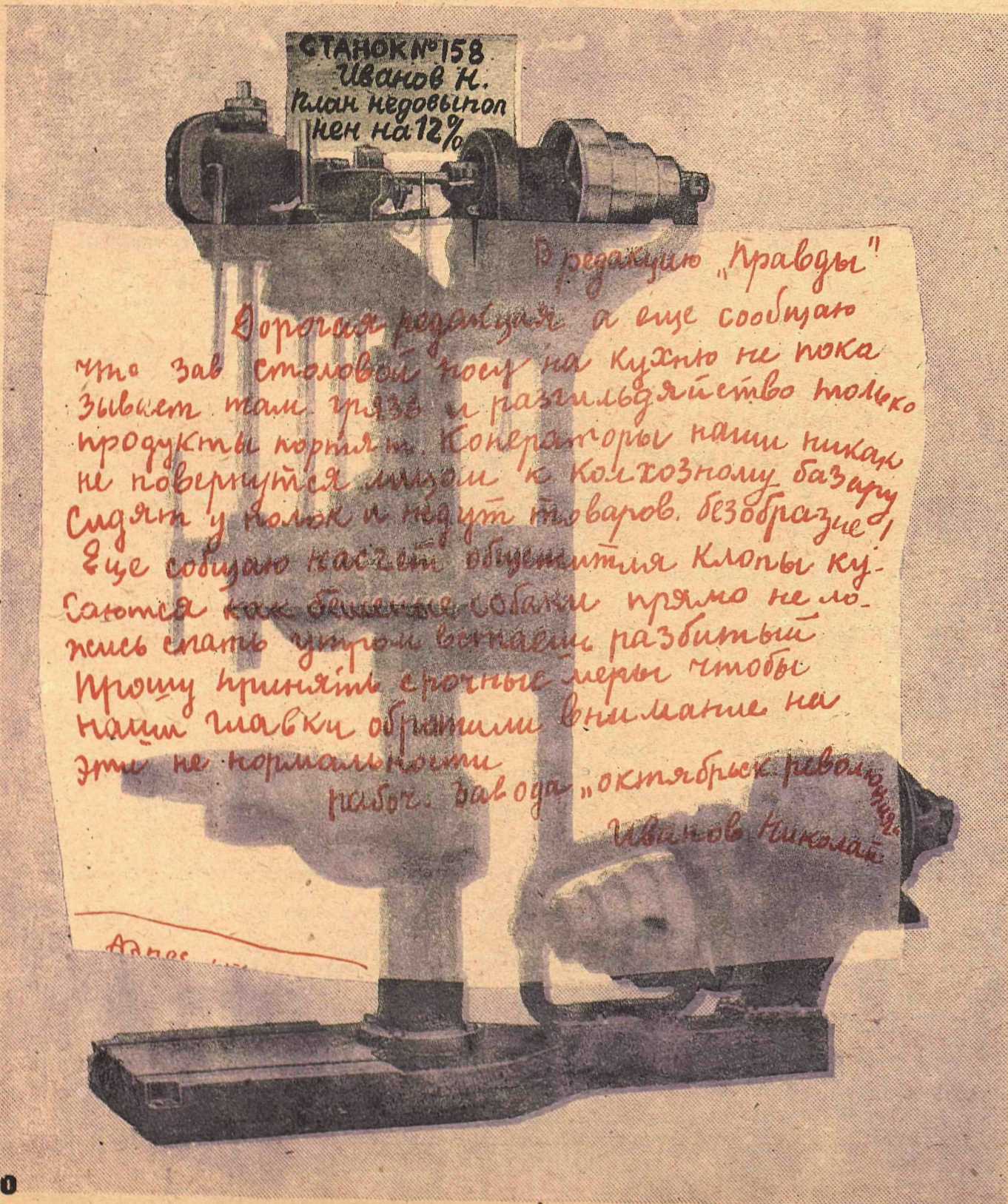
— Люблю природу, чорт ее распробери. Жаль, денек короткий. Не пришлось нам охватить ее как следует.

— Ничего, еще приедем! — ответили его спутники.

А. Митницкий.

СКВОЗЬ СТРОКИ РАБОЧЕГО ПИСЬМА

Фотомонтаж Б. Клинка

М. и О. Абрамовы

СОБАКА НЕ ВИНОВАТА

Колхоз „Краснознаменец“ (Зап. Сибирь, Бердский р-н) пригласил в качестве кролиководца раскулаченного кулака В. Лукьянова. За кроликами не было достаточного присмотра, и собака съела их 15 штук.

Когда о кроликах зашла в колхозе речь, Решили стадо выкормить на славу И поручили кроликов беречь ... Удаву!

ВИННАЯ АНОМАЛИЯ

В Челябинском магазине горпо № 12 спиртные напитки отпускаются ударникам вне очереди; в хлебном же отделе ударники этим преимуществом не пользуются.

Ликует прогульщик, ликует поп: „Богородица-дево, радуйся! — К ударникам магазин горпо Повернулся... на 40 градусов!“

„СНИЖЕНИЕ“ ЦЕН

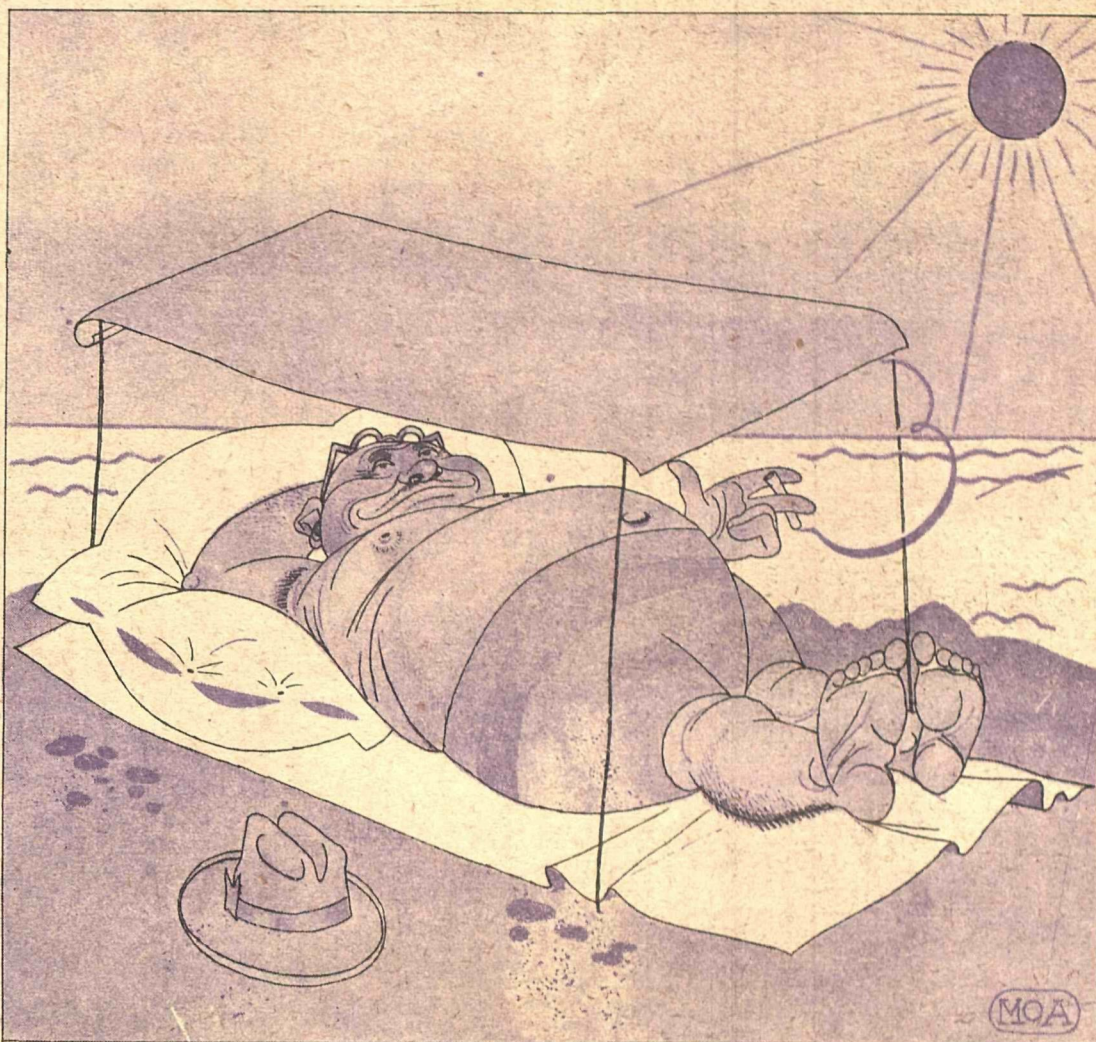
Правлением совхоза им. Молотова Нечаявского сельсовета (Ср.-Волжский край), 1-му Медушенко Петру в благодарность за его заслуги выдали документ на получение 2 четвертей водки по пониженной цене.

В работе как будто бы не было трещин: Достойным — награда, а ценам — снижение... Единственно в чем упрекнуть мы правление — В отсутствии трезвого взгляда на вещи!

БЕЗГРАНИЧНЫЙ АССОРТИМЕНТ

В Соликамском магазине т-ва охотников и рыбаков к двум сантиметрам вентильной резины (для велосипеда), ценой в 2 копейки, добавляют „накрутку“, стоимостью в 5 руб.

В резине вес — полграмма весь, Берите все ж корзину вы: Ассортимент, как видно, здесь Весьма-таки резиновый.

— И в такую жару говорят о замороженном товарообороте!..

ЛОЖНИ

(Перевод с украинского)

ВОДНОЙ столовке были ложки. Много было, а стало еще больше. Собственно, не сразу стало больше, а постепенно. Сначала их стало меньше, а потом уже больше. Это после того, как ложки стали центром внимания широких масс.

События следовали в таком порядке.

Стала администрация столовки примечать, — пропадают ложки. Исчезают, как затруднения на нашем пути. Примерно начинается обед. Пустят в оборот ну, скажем, восемьсот ложек, а после обеда соберут пятьсот. Триста, значит, тую-тую. Исчезли. Выдадут четыреста, соберут — триста. Снова недостача. Что за чорт? Где причина и социальный корень? Зав на обеде выступил с речью:

— Это ж ненормально, говорит. Это ж не почта, говорит. И ложки не заказные бандероли, чтоб им пропадать. Ложки не Кутеповы, чтоб им исчезать бесследно. Я, говорит, этот вопрос просто на ребро ставлю: где ложки? Это ж не литература! Это ж ложка! Реальное явление современности. Где ложки? Отвечайте в порядке самокритики!

Масса, конечно, молчит.

Тогда зав на крик перешел. Кричит:

— Это позор и пятно! Это несознательность — ложки красть! Если это и дальше пойдет такими темпами, придется забыть технику и на кустаршину переходить — пригоршнями борщ хлебать! Это сдача позиций! Предлагаю откликнуться!

Тут народ, который обедал, действительно на призыв откликнулся: всего сто двадцать ложек пропало. Однако резолюцию утвердили: „Ударить по отрывкам и положить конец“.

Сначала по отрывкам плакатами ударили. На стенах плакаты развесили: „Я — ложка твоя. Береги меня“, „Ложка в массе — как врубровка в Донбассе“ и т. д.

Однако не помогло. Какой-то жечный враг в первом плакате марал буквы „ег“, и вместо „береги“ получилось „бери меня“ — и за два дня снова сотня ложек пропала.

У зава нервная горячка началась. Сам себя на черную доску записал и заявление подал: „Опираясь на желание широких масс утопить меня в ложке, прошу меня уволить,

иначе придется констатировать мое тело на веревке“.

Ему отказали. Тогда зав адский способ придумал. Везде собственноручно объявления развесил: „Ложки будут отпускаться только под залог в один рубль“.

И чтобы вы думали — как по маслу пошло Красота! В первый день выдали семьсот ложек — собрали семьсот. От радости зав в этот день даже домой не пошел, в столовке обедал. На другой день еще лучше получилось. Выдали семьсот пятьдесят, — собрали девятьсот пятьдесят. Двести штук прибыли. Зав козырем ходит. В петлицу вместо хризантемы ложку пришил. А третий день был уже не день, а ферия! Начался ложенный ливень! Наволнение! Ничего не видно, — одни ложки. На столах, под столами, в щелях, на кухне. Ложки, ложки, ложки...

С завом обморок, с кассиршей истерика. А публика у кассы ложками воздух потрясает.

— Го-го-го! Отдайте наши рубли! Возвращайте наши залогов Жулики! Честный народ обманывать! Го-го-го!

Сбежались посторонние, милиция, пожарники помпы приготовили.

Привели зава в чувство, — плачет.

— Заадминистрировался я, товарищи, на свою голову. Бейте меня! — Чем же тебя бить? — спрашивают.

— Перегнул я палку, — ею и бейте!

Тут вбегают какой-то товарищ, кричит:

— Стойте! Я вам всю ситуацию выложу! Я зав магазина ТПО! Тут рядом. У меня в лавке такие самые ложки по шестьдесят пять копеек штука продаются. Без талонов и без нормы. Сколько хочешь. Я за три дня пять тысяч штук продал!

Зав столовки как закричит:

— Караул! Это ж я на каждой ложке по тридцать пять копеек переплатил! Караул!

Тут все ясно стало. Начались дебаты: кто виноват?

Одни говорят — зав. Другие напирают на массу. Третьи из обезличников заявляют: „оба хороши“.

Не поймешь. Однако желающие обнаружить истинных виновников этого события легко могут это сделать.

Если будете обедать в стационарной столовке при станции Черкасы, Южных железных дорог, спросите, там знают.

Вас. Чечванский.

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ || АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская 8. Телеф. 3-70-16. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журн. „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Митницкий.

Зав. редакцией: И. Абрамский

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 714.

Сдача текста и рисунков — 8/VII

Подпись к печати — 20/VII

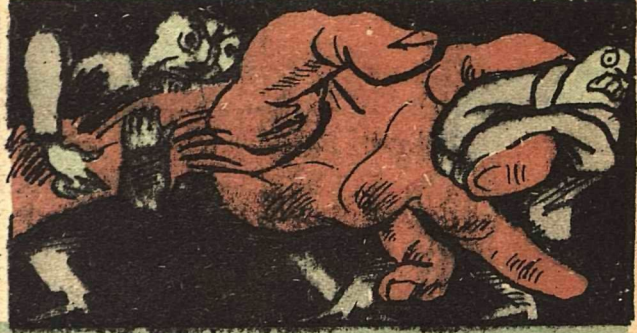
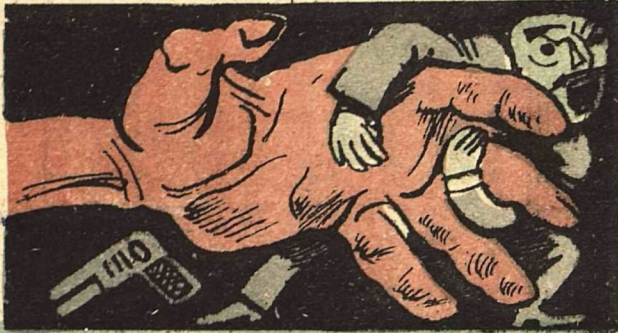
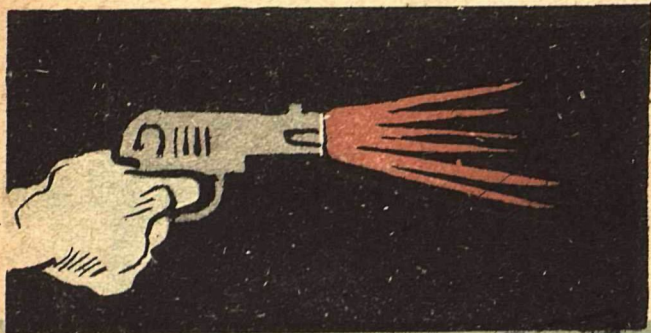
Статформат А9 — 22 × 333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В — 19210

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал. 49.

Зак. № 1856. Тираж 500.000 экз.

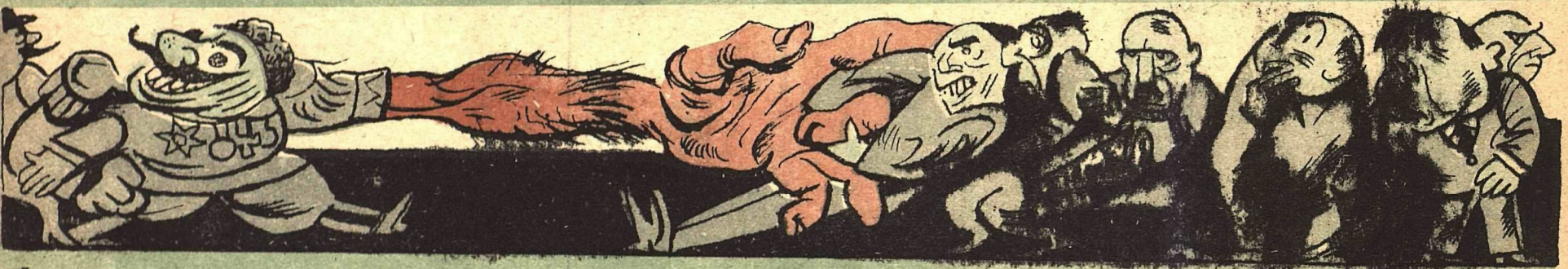
1. ....

2. На месте преступления.

3. Рука Москвы! Рука Москвы! Р-р-р!

4. ....

5. ....

6. ....

7. ....

8. Но почему-то на скамье подсудимых осталось слишком много свободного места.